

Уильям Шекспир
«Ромео и Джульетта».
Перевод И. Диденко. 2017 год

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66351184
SelfPub; 2021*

Аннотация

Исследование текста трагедии "Ромео и Джульетта" длилось более десяти лет и в результате вылилось в перевод Шекспира, который никто и никогда не читал. Все что мы знали о юных влюблённых до сегодняшнего дня, необходимо переосмыслить. Это другие персонажи и история двух влюбленных оказывается гораздо глубже и страшнее. Если в классическом прочтении Ромео и Джульетта гибли случайно, от слишком сильных чувств, то в оригинальной истории, они погибли по вине конкретных людей. Нам предстоит узнать: кто убил Ромео и Джульетту, почему Монтекки и Капулетти люто ненавидят друг друга и почему они считают Ромео и Джульетту братом и сестрой по отцу. В тексте появилось много "площадного юмора" и довольно оригинальное звучание хорошо известных нам персонажей. Он стал гораздо ближе к оригинальному Шекспировскому замыслу. На сегодня, это единственный близкий к авторскому смыслу текст, полностью противоречащий классическому прочтению. В качестве затравки на будущее – перевод Гамлета уже готов.

Содержание

От Автора	4
Предисловие	5
Благодарность!	11
«Ромео и Джульетта»	12
Пролог	14
Первый акт, первая сцена.	15
Первый акт, вторая сцена.	30
Первый акт, третья сцена.	36
Первый акт, четвертая сцена.	42
Первый акт, пятая сцена.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Уильям Шекспир
«Ромео и Джульетта».
Перевод И.
Диденко. 2017 год

От Автора

В любой уважаемой книге есть предисловие от автора. Как правило, в нём описывается, как тернист был путь создания текста, как автор страдал, преодолевая творческий кризис и сворачивая горы на своем пути. Но, если автор уверен в своей гениальности, он рассказывает, как легко ему было в написании, как строчки рождались сами собой – только успевай записывать. Или... впрочем, эту классификацию я мог бы продолжать довольно долго. Мне сложно соотнести себя с какой-либо категорией писателей – я просто занимался режиссёрским переводом одной из самых значимых трагедий Шекспира. Поэтому буду краток. Это был ад!

Предисловие

Идея разобрать произведения Шекспира возникла спонтанно. На одном из экзаменов мне пришлось анализировать сцену из «Гамлета», где Гамлет в комнате у матери убивает Полония, стоящего за ковром. За два часа работы над текстом я выяснил, что принц точно знает, кто стоит за ковром, и что у него был мотив убить именно Полония. Стало ясно, что истинный Гамлет вовсе не похож на «благородного образованного принца, который вынужден мстить за убитого отца». Я бы сказал больше: если в данном произведении есть главный злодей, то это именно принц Гамлет.

На тот момент разбором произведений я занимался уже несколько лет и, как правило, подвергал анализу простые формы: стихи, басни, анекдоты, телевизионную рекламу. Дело в том, что режиссёрский разбор – занятие довольно трудоёмкое: короткую басню можно разбирать восемь часов подряд. Нужно отметить, что это не процесс угадывания сюжета, а сложная система сбора информации и анализа, требующая, с одной стороны, гибкости, а с другой – жёсткого следования законам драмы.

Со своими наработками по Шекспиру я пришёл к своему педагогу по зарубежному театру Льву Иосифовичу Гительману. Он внимательно меня выслушал и дополнил мой скромный набросок собственными знаниями, которые уди-

вительным образом с ним совпали. Начал я исследовать именно трагедию «Гамлет», но по определённым причинам переключился на «Ромео и Джульетту». Это было примерно в 2000 году.

Этапов в исследовании текста Шекспира было множество. Я работал с актёрами на площадке в попытке сыграть новую трактовку, читал лекции по Шекспиру по приглашению Льва Иосифовича Гительмана в разных вузах, проводил тематические мероприятия по заказу компаний. Несколько раз даже пытался сделать собственный перевод. Вы не поверите, но в первом варианте семьи Монтекки и Капулетти были... футбольными командами, между которыми возникал конфликт! Первые варианты переводов были целиком выброшены в корзину, за исключением двух или трёх фраз, которые сохранились в финальном варианте моего перевода трагедии.

Работая над материалом трагедии «Ромео и Джульетта» более десяти лет, я пришёл к выводу что мы попросту не знакомы с Шекспиром. Мы не понимаем ни смысла истории в целом, ни характеры героев в частности. И даже возраст юных влюблённых нам неизвестен. В ходе разбора выясняется, что Ромео 24 года, а Джульетте, возможно, даже меньше 14 лет. Оказывается, что второстепенные в классическом переводе персонажи играют яркие драматические роли. И если обычно Ромео и Джульетта гибнут по трагическому стечению обстоятельств, то в истинной трактовке все знают о

том, что они встречаются, и все по-своему заинтересованы в их гибели. Ромео и Джульетта не просто умерли – им очень сильно помогли.

Множество неприятных слов можно сказать и о классических переводах Шекспира. Они сделаны очень небрежно, и их авторы просто-напросто убирают из текста те фрагменты, которые не могут объяснить. К примеру, если мать пытается убить Джульетту, переводчики эту деталь стыдливо опускают. Однако не следует думать, что люди за границей читают текст Шекспира на английском и всё правильно понимают. Текст Шекспира очень сложен даже для англичан. А уж не носители языка его и подавно не могут читать. Есть адаптированные варианты на современном английском – так вот, они ничем не лучше русскоязычных переводов. Те, кто создавал адаптированные тексты, тоже не смогли объяснить, зачем Джульетту пытается убить родная мать.

Главным открытием в тексте для меня было то, что Ромео и Джульетта – возможно, сводные брат и сестра. Я обнаружил короткий разговор между отцом Джульетты и неким родственником, где они обсуждают странный случай, произошедший 25 лет назад. Рассказывается о некой свадьбе, на которой они были в качестве гостей. На празднике случилось нечто, после чего оба больше в таких мероприятиях не участвовали. Ещё мы узнаём имя человека, у которого они были в гостях, и то, что у него есть сын, возраст которого отец Джульетты знает очень хорошо. Возникает вопрос: за-

чем автор это написал? Вариантов два: либо ему было нечего делать, либо он на что-то намекает. Кем же могут быть Люченцо и его сын? В произведении мы знаем только одного человека, у которого есть сын, – это отец Ромео, синьор Монтекки. И тут мы понимаем, что практически у всех героев произведения есть имена, кроме Монтекки и Капулетти! И имя Люченцо по всем параметрам может принадлежать именно отцу Ромео. Давайте попробуем ещё раз пересказать эту историю, но уже подставив в неё известных нам героев. Двадцать пять лет назад синьор Капулетти был гостем на свадьбе своего друга Люченцо Монтекки. В ходе праздника произошёл некий конфликт, после которого семьи враждуют, родной отец ненавидит сына, а отец Джульетты не чает в Ромео души.

История кажется совершенно безумной и неприемлемой. Когда я высказал эту версию, она мне так не понравилась, что я приложил все силы, чтобы её опровергнуть. Но чем больше я прикладывал усилий, тем сильнее убеждался, что моё предположение является верным. Позже выяснилось, что даже брат Лоренцо в одной из сцен называет Монтекки и Капулетти бывшими друзьями. Но только на английском языке – в русских переводах вы её не найдёте. Однако даже найдя в тексте множество подтверждений своей теории, я никак не мог её принять. История об инцесте казалась мне оскорбительной и неуместной. Но я никак не мог найти хоть что-то, что бы ей противоречило. В результате оставалась од-

на единственная сцена, которую я не мог разобрать. Причём работа над этой сценой длилась более года. Если быть более точным, то это не сцена, а длинный монолог кормилицы о том, как 11 лет назад погибла её дочь Сюзанна.

Здесь следует сделать короткое отступление относительно странных имён, которые время от времени возникают в тексте Шекспира. Я обратил внимание, что и в «Гамлете», и в «Ромео и Джульетте» в тексте вдруг появляются имена персонажей, которых не было в списке действующих лиц. В «Гамлете» это Клавдио, в «Ромео и Джульетте» – Сюзанна, Люченцо и Анжелика. И каждый раз к имени присоединяются даты, события и факты. Так вот, в том самом монологе, который я пытался разобрать более года, есть и имя, и даты, и события. Он больше похож на подсказку, на ключ, он словно кричит: «Разгадайте меня! Я очень важен!» В конце концов я обратил внимание, что кормилица настаивает: дети были похожи и одного возраста, а родители были в длительном отъезде, и даже путает, называя погибшего ребёнка сначала Сюзанной, а потом Джульеттой. Так кто же погиб одиннадцать лет назад: Сюзанна или Джульетта? Мы не знаем точно. Но поскольку автор даёт нам возможность сомневаться, то можно допустить, что умерла Джульетта а перед нами – Сюзанна. Что это нам даёт? Больше, чем кажется. Во-первых, мы наконец понимаем, почему мать Джульетты пытается её уничтожить: у нас снимается вопрос инцеста и раскрываются доверительные отношения кормилицы с Джу-

льеттой. Можем ли мы на 100 процентов доказать, что это не намёк а чистая правда? Не можем. Но искусство состоит из намёков и полутонов, и, поскольку у нас есть огромный монолог кормилицы, мы должны понять, для чего автор «насыпал» в него столько дат, имён и фактов. Самое важное – что правильно прочитанный материал собирается в дополняющую себя устойчивую структуру наподобие кристаллической решётки алмаза. Три намёка складываются во взаимоподтверждающую картину – и все роли, вызывавшие до этого вопросы, находят своё разрешение. Меняет ли это картину трагедии для зрителя в зале? Нет. Но это меняет мотивы героев на сцене. Скорее всего, зритель не поймёт ни первый, ни второй намёк, однако он увидит, что у героев есть серьёзные основания поступать именно так, как они поступают. Эти намёки – не столько для зрителя, сколько для исполнителей ролей.

Работа над «Ромео и Джульеттой» – лишь первый шаг в череде открытий. Уже сейчас я планирую разбор трагедии «Гамлет» и комедии «Сон в летнюю ночь». Но обещаю, как и в случае с «Ромео и Джульеттой», целиком полагаться на автора и идти за его историей и его героями. Сдерживать собственную фантазию и уступить место великому драматургу – вот задача, которую я ставлю прежде всего.

Благодарность!

Я хочу поблагодарить лично Дмитрия Юрьевича Пучкова за многократную и бескорыстную помощь в информационном продвижении проекта. Спасибо! Огромная благодарность людям, поддержавшим работу над книгой до того, как перевод был завершён. Без вас я бы не смог целый год заниматься подготовкой текста! Отдельная благодарность Александре Диденко – моей жене. Ведь все тысячи вариантов перевода той или иной сцены пришлось выслушивать именно ей и днём, и ночью! И спасибо всем вам за добрые слова поддержки, которые я от вас получаю! Этот проект мы сделали вместе!

«Ромео и Джульетта»

Верона, Италия. 1590 год, Июль.

Действующие лица:

Ромеосын Монтекки
Бенволио.....из дома Монтекки, кузен Ромео
Балтазариз дома Монтекки, слуга Ромео
Абрамиз дома Монтекки, слуга
Синьор Монтекки.....отец Ромео
Леди Монтекки.....мать Ромео
Джульетта.....дочь Капулетти, 13 лет
Тибальд.....из дома Капулетти, кузен Джульетты
Самсон..... из дома Капулетти, слуга
Грегорио..... из дома Капулетти, слуга
Синьор Капулетти.....отец Джульетты, 50 лет
Леди Капулеттимать Джульетты, около 27 лет
Кормилицаприслуга Джульетты
Питер из дома Капулетти, слуга кормилицы
Меркуциородственник князя
Граф Парисродственник князя
Князь Эскал.....принц Вероны
Брат Лоренцо.....монах-францисканец
Брат Джованнимонах
Аптекарьпродаёт яд Ромео

Горожане, слуги, музыканты, стражники и другие.

Пролог

Хор:

– Две знатные династии в Вероне,
Где действия печальные пройдут,
На много лет забыли о законе,
Друг друга убивая там и тут.
Но дети двух врагов, беды не чуя,
Влюбились против воли их семей.
Их смерть вражду отцов похоронила,
А также их надежды вместе с ней.
Ужасный рок, кровавые события,
Отцов их нежеланье в мире жить
И бесконечное кровопролитие
Лишь смерть детей смогла остановить.
Всё это за ближайших два часа
Для публики почтенной мы покажем,
Но если строки будут рифмою хромать,
Получше постараемся сыграть.

Первый акт, первая сцена.

Улица Вероны, утро. Входят Самсон и Грегорио, слуги из дома Капулетти.

Самсон:

– Дай мне честное слово, что сегодня мы не будем валять дурака.

Грегорио:

– Конечно! Ведь даже если нас станут валять, уж мы-то с тобой точно не дураки!

Самсон:

– Я к тому, что всё должно пройти как по маслу и гладко!

Грегорио:

– Я люблю, когда по маслу и гладко!

Самсон:

– Я имею в виду, что, когда сюда явятся Монтекки, мы им покажем ого-го!

Грегорио:

– Что покажем?

Самсон:

– Ого-го!

Грегорио:

– Ого-го?

Самсон:

– Да, как в тот раз.

Грегорио:

– Но в тот раз ты убежал!

Самсон:

– Я просто брал разбег.

Грегорио:

– Ты просто жалкий трус. Если бы ты был смелым, то стоял бы как вкопанный!

Самсон:

– А я стою – стою так, что ты меня не сдвинешь. Вот, попробуй!

Грегорио:

– Не хочу я тебя пробовать!

Самсон:

– Вот видишь – тебе страшно. А знаешь почему? Потому что я страшный!

Грегорио:

– Отлично! Доставай свой страшный и покажи, на что ты способен!

Самсон:

– Что, прямо здесь?

Грегорио:

– А где же ещё!

Самсон:

– Ну, берегись! Ты сам захотел – сейчас я покажу тебе, на что я способен! Я просто-таки могу любого проткнуть своей остробой.

Грегорио:

– А мне вот кажется, что твоя острота порядком притупилась. Похоже, она у тебя какая-то вялая!

Самсон:

– Так погоди, дай мне минутку – любая девка из дома Монтекки делает меня твёрдым в моих намерениях!

Грегорио:

– А при чём тут девки? Ссора-то мужская и между мужской прислугой?

Самсон:

– А мне всё равно, мужчина или женщина – все падут на колени под моим гнѐтом!

Грегорио:

– Ну, если твой гнѐт, он многих нагнѐт, то это как раз то, что нам сейчас нужно. Вытаскивай свой инструмент – вон идут двое из дома Монтекки.

Самсон:

– Готово, я на взводе! Сейчас возьму разбег...

Грегорио:

– Да ты снова сбежишь!

Самсон:

– За меня не беспокойся: я буду у тебя в тылу в засаде!

Грегорио:

– Не надо опять делать засаду в моём тылу!

Самсон:

– Ладно, давай всё устроим так, чтобы закон был на нашей

стороне: пусть они начнут ссору первыми.

Грегорио:

– Я скорчу злое лицо, которое их оскорбит, – и они не смогут пройти мимо.

Самсон:

– Хорошо, а я буду, у них на глазах, выделывать со своим пальцем¹ то, что я бы хотел сделать с ними со всеми.

Абрам:

– Сэр, что вы делаете со своим пальцем?

Самсон:

– А вам неясно, сэр?

Абрам:

– Нет, сэр,

Самсон:

– Если я ему объясню, что я делаю со своим пальцем, закон будет на нашей стороне?

Грегорио:

– Ни в коем случае!

Самсон:

– Выходит, я просто делаю это со своим пальцем, сэр.

Грегорио:

– Вы что-то имеете против этого и хотите с нами поссориться?

Абрам:

– Поссориться? Ну что вы, сэр!

Самсон:

– Но если вы вдруг захотите поссориться, то я весь к вашим услугам! И, к вашему сведению, мы проживаем у господ не хуже ваших!

Абрам:

– Но и не у лучших.

Грегорио:

– Говори «у лучших» – сюда идёт Тибальд, кузен моего хозяина.

Самсон:

– У лучших!

Абрам:

– Вы лжёте!

Самсон:

– Вытаскивайте, если вы мужчины! Грегорио, покажи-ка им свой, все сметающий на своем пути, напор!

(Подходит Бенволио из семьи Монтекки и выхватывает кинжал.)

Бенволио:

– Ну, разойдитесь, дурачьё! Свои мечи вложите в ножны, немедленно!

Тибальд:

– И что ты вытащил среди прислуги? Но обернись, Бенволио, и посмотри на смерть свою!

Бенволио:

– Я мир пытаюсь сохранить. Прошу: вложи свой меч! Или давай плечом к плечу разнимем эту сволочь.

Тибальд:

– Ты вытащил и говоришь о мире? Я ненавижу это слово сильнее, чем ад, чем всех Монтекки и тебя! Держись же, трус!

(Появляются вооружённые палками горожане.)

Горожанин:

– Дубины, мотыги и колья! Лупи! Вышибайте из них дух! Сбивайте их с ног! Лупи Монтекки вместе с Капулетти!

(Входят синьор Капулетти и леди Капулетти.)

Капулетти:

– Что здесь за шум? Жена, неси мой самый длинный меч!

Леди Капулетти:

– Костыль, возьми костыль! Зачем тебе твой меч?

Капулетти:

– Меч, я сказал! Монтекки идёт сюда и угрожает мне клинком.

(Входят синьор Монтекки и леди Монтекки.)

Монтекки:

– Ты, Капулетти, подлец и грязный вор! Не держите меня! Отпустите меня!

Леди Монтекки:

– К врагу не сделаешь ты даже шага.

(Появляется князь со свитой.)

Князь:

– Изменники, не держащие слова,

Враги покоя, мира, тишины!

Свои клинки вы кровью ближних осквернили...

Они так не услышат? Эй вы, люди,

Тупое стадо²! Вы, пожар вражды гасящие

Фонтаном крови из своих же ран, —

Оружие на землю! И выслушайте волю князя!

Уже три раза мы мирили вас —

Три раза вы нарушили покой,

И люд простой три раза хватался за мотыги,

Пытаясь вас разнять. Теперь довольно!

Ещё хоть раз устройте вы бойню —

Для вас ценою станет ваша жизнь.

На этот раз пусть люди разойдутся.

Вы, Капулетти, следуйте за мной,

А вы, Монтекки, ко мне зайдёте вечером.

Сейчас же, именем закона, всем разойтись!

(Все уходят, кроме Монтекки, леди Монтекки и Бенволио.)

Монтекки:

— Кто сызнова затеял эту ссору? Племянник, ты присутствовал при этом?

Бенволио:

— Здесь были слуги из другой семьи,

Они шумели и бранились,

Я вынул меч и попытался их разнять.

Но тут примчался пламенный Тибальд,

Достал свой меч и начал им махать,
Со свистом воздух рассекая у меня над головой.
Но ранил этим только ветер,
Шипевший на него с презрением.

Пока мы с ним толкались и примеривались, как лучше
уколоть друг друга,

Сбегалось всё большее количество народа.
Тут князь пришёл и нас развёл по сторонам.

Леди Монтекки:

– А где Ромео? Был ли он при этом?

Надеюсь, он не пострадал!

Бенволио:

– Мадам,

За час пред тем, как величавое светило

Окно востока золотом зажгло,

Мой острый ум в порыве дум

Погнал меня развеяться из дома.

Туда, где сикоморы свои кроны

Склонили к камням мостовой,

На западной окраине Вероны.

В такую рань гуляя там, я встретил сына вашего,

Но он, меня заметив, скрылся в чаще.

Я попытался следовать за ним,

Но он, всё чаще исчезая в чаще, и вовсе удалился.

Из чего я сделал вывод, себя представив как его,

Что ищет он уединенья,

и, следуя своим открытиям, но не преследуя его,
Я с удовольствием оставил того,
Кто с удовольствием бежал ото всего³.

Монтекки:

– Он много раз был там замечен по утрам,
Слезами умножал росу
И вздохи тяжкие к туману прибавлял.
Но только солнце распахнёт
Постельный полог в спальне у Авроры,
Мой мрачный сын бегом бежит от света,
Уединившись в комнате своей, заткнув все окна,
В ней создаёт искусственную ночь.
И эта чёрная зловещая причуда
Должна иметь какую-то причину.
О, если б кто-то из друзей смышлёных
Мог с ним поговорить и дать ему совет,
Как устранить причину бед!

Бенволио:

– Мой драгоценный дядя, вы сами знаете причину?

Монтекки:

– Увы, не знаю.

Бенволио:

– Вы пытались вы расспрашивать его?

Монтекки:

– Я сам и множество друзей пытались, и не раз,
Но он закрыт, непроницаем для расспросов,

Как будто нераскрывшийся бутон,
Который до рождения был червём прокушен!
Теперь он солнцу не покажет лепестков,
А будет гнить внутри, себя не раскрывая.
Когда б я знал причину этого расстройства,
Избавил бы его от беспокойства!

(Появляется Ромео.)

Бенволио:

– А вот и он! Вам лучше удалиться.

Клянусь: узнаю я причину!

Монтекки:

– Надеюсь, что ты искреннюю исповедь услышишь от него. Мадам, идёмте.

(Монтекки и леди Монтекки уходят.)

Бенволио:

– Ромео, с добрым утром!

Ромео:

– Как, разве утро?

Бенволио:

– Пробило девять только что.

Ромео:

– Печальные часы – так тянутся! Кто это – не отец ли мой так быстро отсюда удалился?

Бенволио:

– Да, это он. Но что же делает твои часы длиннее?

Ромео:

– Отсутствие того, что убыстряет их.

Бенволио:

– Влюблён?

Ромео:

– Вон.

Бенволио:

– Вон в ту?

Ромео:

– Нет, просто вон. И без любви я благосклонности лишён.

Бенволио:

– Увы, любовь на первый взгляд нежна,
А на поверку – и жестока, и больна.

Ромео:

(передразнивает Бенволио)

– Увы! От недостатка зрения страдает,
Но куда нужно точно попадает!

(Не даёт Бенволио вставить ни единого слова.)

Где мы обедать будем?

Ого! Да здесь произошло сражение!

Молчи, не нужно объяснений —

На все вопросы я отвечу сам!

Здесь ненависть так много натворила,

Но и любви кругом довольно было!

Так почему тогда скорбящую любовь

С любовной ненавистью сочетают вновь?

Из ничего рождающее что-то,
Тяжёлое легко, незрячая охота,
И милых форм мелькающий хаос!
Чугунное перо, морозящий огонь,
И между тем – большое исцеление,
Неспящий сон, смертельное спасение⁴ —
И всё иначе, если повторяешь вновь.
Вот каково в любви не чувствовать любовь!
Ты не смеёшься?

Бенволио:

– Нет, кузен, скорее плачу.

Ромео:

– Большое сердце! Отчего?

Бенволио:

– Я соболезную твоим страданиям!

Ромео:

– Так почему же прегрешения любви

Мутят мой взор и давят грудь,

Что не вздохнуть? А это ты

Мне состраданием душу отравил

И в море слёз ещё своих подлил.

Любовь – как дым от выдохов и вдохов,

И яркий блеск во тьме любимых глаз,

И слёз поток, бушующий жестоко...

Так, что ещё? Безумье всякий раз,

Удушливая желчь и сладкая наживка.

Прощай, кузен!

Бенволио:

– Полегче, стой! Я за тобой шагаю,
Хоть мало до сих пор я понимаю.

Ромео:

– Я не Ромео, он ушёл.

В другом бы месте ты его нашёл.

Бенволио:

– Скажи серьёзно мне: кого ты любишь?

Ромео:

– Могу лишь прорыдать, кого люблю.

Бенволио:

– Рыдать не нужно, просто мне скажи.

Ромео:

– А просто говорить больному о том, что умирает он?

И вместо слов родить предсмертный стон!

Но так и быть, тебе открою правду: я женщину люблю!

Бенволио:

– Я в цель попал своей догадкой!

Ромео:

– Ты меткий парень, поклянусь я пяткой!

Бенволио:

– Чем лучше цель, тем метче мы стреляем!

Ромео:

– Но в эту цель, увы, не попадаем!

Стрела ей Купидона не страшна —

Невидимой бронёй защищена она!
И смысла нет упрашивать, вздыхать,
Чтобы в заветной чаше погулять.
Её не взять ни золотом, ни словом
И ключ не подобрать к её оковам.
Никто в тот сад дорогу не найдёт,
Она свой дар в могилу унесёт.

Бенволио:

– Она блюдёт невинность, что ли?

Ромео:

– И в этом-то огромнейшее горе!
Когда такой большой потенциал
Без дела зря на полке пролежал.
Когда ты целомудрию служил,
А отпрысков на свет родить забыл.
Как видно, чересчур мудра она
И верною решимостью полна
Невинность охранять с недюжей силой
И в результате – завести меня в могилу.

Бенволио:

– Я дам тебе совет отличный,
В подобных случаях он выручал меня не раз:
забудь её!

Ромео:

– О, как забыть мне, умоляю, научи!

Бенволио:

– Даванием глазам свободы узри других девиц обводы.

Ромео:

– О, это путь лишь убедить меня в обратном!

Сравнив её с другими прелестями,

Сильней я буду видеть красоту её.

Когда от красоты небесной ты ослеп,

То лишь на ней сошёлся клином свет.

Вот дайте мне красавицу сюда —

Взгляну тем, что осталось, на неё...

Кто мне докажет, что она красива?

Кто измерял её красу?

Любви такой не пожелал бы я врагу,

Забыть её во век я не смогу!

Бенволио:

– Внесу я доказательные средства

Или умру в бездоказательном долгу.

Первый акт, вторая сцена.

Дом синьора Капулетти.

Входят Капулетти, Парис и слуга.

Капулетти:

– Я и Монтекки понесли убытки,
На нас обоих наложили штрафы.
По правде, для чего нам, старикам,
Браниться дальше и чинить раздоры?

Парис:

– Вы оба уважаемые люди,
И жаль, что долго длится ваш разлад.
Однако же на мой вопрос теперь что вы ответите?

Капулетти:

– Отвечу то же самое:
Что дочь моя ещё не знает жизни,
Ей нет ещё четырнадцати лет.
Пусть пару лет пройдёт – тогда опять
Замужество мы станем обсуждать.

Парис:

– Моложе, чем она, вступают в брак.

Капулетти:

– И быстро вянут, если это так.
Смерть у меня забрала всё, вот только дочь
Осталась мне на радость, старику.

И в том, кому она своё подарит сердце,

Настаивать я, право, не могу.

Но если приняла она решение,

Одобрю я его без промедленья.

Сегодня вечером у нас назначен бал,

Я множество гостей туда позвал —

Тех, кто мне мил; и вы приглашены!

Надеюсь, что вы этим польщены.

Прекраснейших красавиц хоровод

Пред вами развернётся! Небосвод

Усыпят звёзды! Ночь укроет вас

От слишком любопытных глаз,

И вы среди цветов прекрасных

Не проведёте ночь напрасно.

Джюльетта тоже будет на балу

Без права на такую похвалу.

(Обращается к слуге)

А ты, любезный, обойди по списку всех, кто здесь написан, и пригласи к нам в дом на праздник, да поживей!

(Капулетти и Парис уходят.)

Слуга:

— «Обойди по списку всех, кто здесь написан!» А кто прочтёт мне то, что здесь написано?

А может, тут сказано, что у трубочиста в штанах портновский метр,

А у пахаря – садовый шланг,

А у портного – огромный болт,

А у пекаря – простой карандаш?

«Обойди по списку всех, кто здесь написан...»

А как прочесть мне этот список?

Надо бы найти кого-нибудь поумнее себя!

(Входят Бенволио и Ромео, продолжающие разговор.)

Бенволио:

– Запоминай: огонь сразишь огнём,

Морской прилив встречай волной покруче.

А если дурно пахнет от тебя,

Себя испачкай в более вонючем.

Коль хочешь от болезни излечиться —

Другую нужно срочно заразиться!

Ромео:

– Я слышал, помогает подорожник, когда его к больному месту ты приложишь.

Бенволио:

– Куда же его нужно приложить?

Ромео:

– Да к сломанной ноге.

Бенволио:

– К какой?

Ромео:

– Которую сейчас тебе сломаю.

Бенволио:

– Да ты с ума сошёл!

Ромео:

– Нет, не сошёл, я как в смирительной рубашке.

О, как же сильно ты меня до...

Добрый день, приятель!

Слуга:

– Любезный сэръ, вы можете читать?

Ромео:

– О, я могу читать свой тяжкий жребий по слогам!

Слуга:

– Для этого знать грамоту не надо. А можете прочесть то, что вы видите?

Ромео:

– Ну, только если мне знакомы буквы и язык!

Слуга:

– Да, это от души! Счастливо оставаться.

Ромео:

– Постой, приятель, я могу читать.

«Синьор Мартино с супругой и дочерью. Граф Ансельмо и его прекрасная сестрица. Вдовствующая синьора Витрувио. Синьор Плаченцио с его прелестными племянницами. Меркуцио и его брат Валентин. Мой дядя Капулетти с супругой и дочерьми. Моя прекрасная племянница Розалина. Ливия. Синьор Валенцио и его двоюродный брат Тибальд. Люцио и резвушка Елена». Чудесная компания, куда же их зовут?

Слуга:

– Туда.

Ромео:

– «Туда» – это куда?

Слуга:

– К нам в дом.

Ромео:

– В чей дом?

Слуга:

– В дом моего господина.

Ромео:

– В самом деле, я должен был спросить тебя об этом в самом начале.

Слуга:

– Я отвечу вам раньше, чем вы спросили. Мой хозяин – синьор Капулетти, он очень богат и знатен. И если вы не из дома Монтекки, заходите к нам вечером и опрокиньте чашечку прекрасного вина. Счастливо оставаться!

Бенволио:

– Сегодня на балу, помимо твоей милой Розалины, соберутся все лучшие красавицы Вероны.

Иди туда с открытыми глазами,

Сравни её с другими —

И лебедь твой окажется вороной!

Ромео:

– Коль оскверню мои глаза подобной ересью,

Пусть слёзы выжгут их!

Пусть яблоки глазные, как еретики,

Сгорят в священном пламени!

Она прекраснее всего, что видел свет,

И без неё мне свет не мил и жизни нет.

Бенволио:

– Поймай! Ты видел лишь её красу – отравлен ею взор.

Других красот не видишь ты в упор.

Я укажу тебе на кой-кого сегодня...

Коль доверять мне будешь,

Ты к вечеру про милую забудешь.

Ромео:

– Пойду с тобой, но не красавиц ради,

А ради той, что лучше всех на маскараде.

Первый акт, третья сцена.

Дом Капулетти.

Леди Капулетти:

– Кормилица, где моя дочь? Зови её сюда.

Кормилица:

– Клянусь моей невинностью в двенадцать лет, что я звала её! Ягнёнок, маленькая птичка? Не дай Господь! Ну где же ты, Джульетта?

Джульетта:

– Как, сейчас? Ну, кто меня зовёт?

Кормилица:

– Твоя мать.

Джульетта:

– Мадам, я здесь, что вы желаете?

Леди Капулетти:

– Кормилица, оставь нас ненадолго – нам нужно посекретничать. Кормилица, вернись! Я вспомнила, что ты должна присутствовать при этом разговоре. Ты знаешь, что дочь моя уж взрослая совсем!

Кормилица:

– Ей-богу! Её года я могу сосчитать до часочка.

Леди Капулетти:

– Ей ещё нет четырнадцати лет.

Кормилица:

– Я клянусь моими четырнадцатью зубами (хотя, по правде говоря, их всего лишь четыре), что ей ещё нет четырнадцати. Сколько осталось до Петрова дня?

Леди Капулетти:

– Две недели с лишним.

Кормилица:

– С лишним или без лишнего – не об этом спор, а четырнадцать ей стукнет точь-в-точь на Петров день. Сюзанна⁵ и она – упокой все христианские души Господь – Были ровесницами. Но Сюзанна уже на небесах. Видно, она была слишком хороша для меня и Господь её прибрал. Но, как я уже сказала, в ночь на Петров день ей и исполнится четырнадцать? И она выйдет замуж? Всё это я помню очень хорошо! Одиннадцать годков уже прошло с того землетрясения, Она тогда была ещё младенцем. Нет, никогда мне это не забыть – тот день! Из всех, что я на свете прожила, тот самый памятный! Натёрла я себе соски полынью горькой. Сидела я при этом на солнышке, под каменной стеной голубятни. Мой господин и вы в то время были в Мантуе – Вот память-то моя крепка! Так вот, она схватилась за сосок, почувствовала горечь – Глупышка расплакалась и оттолкнула грудь. Тут голубятня затряслась, и, я полагаю, не нужно объяснять. Как быстро я оттуда бежала. На тот момент она уже сама стоять могла. Нет, вот те крест – Ведь бегала уже! За пару дней до этого она упала и ударилась коленкой. Тогда мой муж – упокой его душу Господь, – Он был всегда навеселе. Поднял ребёнка на

руки и говорит: «Кто же это выставляет коленки вперёд? Когда немного поумнеешь, научишься ты ножки раздвигать⁶! Научишься, Джульетта?» И малышка – я вам клянусь – тут же перестала плакать и сказала: «Да!» Ну, вы поняли, о чём он шутит? Я проживу тысячу лет, но не забуду, как он спросил: «Научишься ты ножки раздвигать, Джульетта?» И она отвечает: «Да!»

Леди Капулетти:

– Достаточно об этом, я умоляю: успокойся.

Кормилица:

– Да, мадам. Но смех-то так и разбирает!

Вы подумайте: малютка перестала плакать, и говорит «Да!». Коленка, я клянусь, была с огромной шишкой. Удар был жуткий, и плакала так сильно, и муж промолвил: «Кто же это выставляет коленки? Когда немного поумнеешь, научишься их раздвигать! Научишься, Джульетта?» И она тут же успокоилась и сказала: «Да!»

Джульетта:

– И ты угомонись, прошу тебя! Я говорю тебе!

Кормилица:

– Всё, я уже молчу, молчу. Бог отметил тебя своей милостью. Ты была самым чудным ребёнком из всех, за кем я ухаживала. Теперь хочу лишь одного: дожить бы до твоей мне свадьбы.

Леди Капулетти:

– Свадьба! Как раз о ней я и пришла поговорить. Скажи

мне, дочь Джульетта: как ты бы к свадьбе отнеслась?

Джульетта:

– Об этой чести я не помышляла.

Кормилица:

– Об этой чести? Господи! Когда б не я была твоей кормилицей, сказала б я, что ум ты с молоком всосала!

Леди Капулетти:

– Ну так поразмышляй об этом! Меньших лет, чем ты, становятся в Вероне матерями.

А по моим подсчётам, я стала твоей матерью моложе твоих лет. А это значит, ты вполне уже поспела. И вот ведь совпадение: Прекраснейший Парис искал твоей любви.

Кормилица:

– Ну, юная леди, это мужчина! Один мужчина на весь мир! Ну просто изваяние!

Леди Капулетти:

– Веронским тёплым летом краше, уверяю, ты цветка не сыщешь!

Кормилица:

– Да, он цветок по правде! Я поклянусь, что он вообще цветок!

Леди Капулетти:

– Что скажешь ты? Такого джентльмена ты способна полюбить?

Его ты вечером на празднике найдёшь,

И на лице его, как в книге, ты прочтёшь

Изысканным пером начертанный сюжет
Восторга тайного среди изящных черт.
А если что-то будет скрыто или тайно,
Ищи всему в глазах истолкование.
Прочти же эту книгу о любви,
Он одинок – скорей его бери!
Он всем хорош, но, чтобы лучше быть,
В изысканный футляр его бы хорошо вложить!
Не нужно рыбу в море украшать —
Нам в глубине её не увидеть!

Но книга, как и человек,
Нуждается в изящных украшениях.
И в книге тем история ценна,
Чем больше золотом украшена она.

Итак, займёшься ли ты им,
Пока он ненароком не уплыл к другим?
По знатности ему ты можешь равной стать,
Взять всё его и своего не потерять!

Кормилица:

– Не потеряет! От мужчин женщины только приобретают,
особенно в талии!

Леди Капулетти:

– Скажи мне коротко: понравится тебе его любовь?

Джульетта:

– Я на него взгляну, коль так угодно вам.

Но я не стану прилагать усилий более,

Чем значит ваше слово в этом разговоре.

Слуга:

– Гости собрались, всё готово, вас зовут, и все спрашивают: где прекрасная юная леди? Кормилицу клянут на чём свет стоит, в кладовке, и всё кругом вверх дном. Идите туда, умоляю вас, прямо сейчас!

Леди Капулетти:

– Мы следуем за тобой.

Кормилица:

– Ну, девочка!

Придётся ночью потрудиться, и прилично,

Чтоб дальше жизнь сложилась на отлично!

Первый акт, четвертая сцена.

Одна из улиц Вероны. Вечер.

Бенволио, Меркуцио и Ромео идут на бал.

Ромео:

– Быть может, прежде чем войти, нам стоит извиниться за вторжение, или опустим извинения?

Бенволио:

– Не надо лишних слов – они лишь помешают развлечению.

Мы к ним войдём учтиво и дадим измерить наше им достоинство,

Затем измерим их достоинство,

После чего с достоинством достойно удалимся!

Ромео:

– Я не пойду, сегодня день не мой – достоинство своё не взял с собой.

Меркуцио:

– Нет, уважаемый Ромео, наше дело —
Тебя заставить танцевать.

Ромео:

– Я не могу: вы в лёгких бальных туфлях, а у меня оковы на ногах!

Меркуцио:

– Но ты влюблён – так ветром страсти наполни паруса и

воспари.

Ромео:

– От страсти паруса потяжелели, да так, что я иду-то еле-еле.

Меркуцио:

– А если упадёшь ты вдруг, любовь придавишь – и тебе каюк! Она нежна – не выдержит паденья.

Ромео:

– Любовь нежна? Она больна как шип, как мыло щиплет-ся, как банный лист прилип.

Меркуцио:

– И ты как лист прилипни к ней, коли её шипом и не жалей. А ну-ка, дайте маски нам...

Никто не будет знать, что ты был там! С минуты этой, чтоб вы знали, за всё краснеет эта харя!

Бенволио:

– Стучимся, входим, никому не спать!

И как вошли, все сразу танцевать!

Ромео:

– Мне факел дайте. С ним стоять я буду,

Пока безумцы будут танцевать.

В игре такой, как говорили деды,

Из опасенья лучше не играть.

Меркуцио:

– Фу, ты как старая слюнявая карга!

Вконец погряз в своей любви!

Всё мямлишь, мямлишь о своём!

Друзья, собрались и пошли!

Мы днём огонь, как говорится, жжём!

Ромео:

– Да всё не так!

Меркуцио:

– Я лишь хотел сказать, что мы устали тебя ждать и тратим время зря. Наденем маски – и вперёд, друзья!

Ромео:

– Да даже в маске, всё равно

Идти на бал сегодня не умно.

Меркуцио:

– Но почему?

Ромео:

– Плохой я видел сон...⁷

Меркуцио:

– Я тоже!

Ромео:

– Что видел ты во сне?

Меркуцио:

– Что сны – враньё, похоже.

Ромео:

– Когда мы видим сны, они не могут врать.

Меркуцио:

– Хм! Как видно, королева Маб легла с тобой в кровать.

Бенволио:

– А кто она?

Меркуцио:

– Она в зачатых разбирается отлично

У фей и эльфов. Ведь она совсем малютка!

Не крупнее, чем камушек агата в кольце у мэра.

По ночам она на стайке резвых блошек запряжённых

Всё ездит по носам у нас, пока мы спим.

В её колёсах спицы из паучьих лапок,

И крыльями кузнечиков укрыта её волшебная карета.

На резвых блошках сбруи-паутинки,

Из лунного сияния хомуты,

Кнут из усов сверчка, а плеть из божьей жилки.

На козлах у неё сидит мельчайший гнус,

Он вполовину меньше червячков,

Которые на пальцах у служанок

Заводятся всегда от сонной лени.

Карета у неё – пустой лесной орех,

Ей смастерили этот экипаж

Каретных дел известные умельцы,

У фей они в почёте – червь и белка.

В таком вот виде она скачет ночь за ночью,

Пересекая мозг влюблённых, – и им снится страсть.

К коленям у льстецов придворных прикоснётся —

Им снится, что им тоже быют поклоны.

По пальцам адвоката пробежится —

И грезится ему большая взятка.

По губкам юных дев прокатится умело —
И им приснятся страсти, поцелуи,
За это злая Маб их губки
Покроет мерзкой лихорадкой.
Когда берёшь ты в рот так много сладкого,
Твоё дыхание пахнет гнилью.
Иногда она прокатится по носу у сутяги —
И тот почует выигрышное дело.
Щетинкой от хвоста свиньи
У пастора под носом пощекочет —
И он увидит сон о прибыльности нового прихода.
Прокатится по шее у солдата —
И тот во сне увидит перерезанные глотки,
Атаку с рукопашной, засаду и ведро отличной водки.
И вдруг в ушах бой барабанов —
Он вскакивает в испуге,
Бранится, молится и снова засыпает.
Всё это очень даже Маб,
Она в конюшнях гривы заплетает,
Запутывая их в отвратительные колтуны,
Которые ты расплетёшь и навлечёшь проклятьё.
Старуха эта мерзкая девиц на выданье
Насильно учит ноги раздвигать
И выродков рожать!
И делает их жёнами, удобными во всём⁸!
Вот кто она!

Ромео:

– Тише, тише, Меркуцио, тише! Ведь это только сны.

Меркуцио:

– Это правда, я говорю о том, чего не существует.

Всё это лишь фантазии ума, не занятого мыслью

И в праздности день ото дня живущего.

Эти сновидения, как лёгкий ветер, проносятся то с севера

на юг,

А то меняют направление – им доверять не стоит.

Бенволио:

– Этот ветер выпускаем мы,

Пока ждём ужин и не сходим с места.

Ромео:

– Быть может, даже лучше для меня...

Чтоб с места не сходить. Всё не к добру.

Я чувствую, что в небесах висит какая-то угроза,

Которая укоротит мне жизнь

Виной каких-то страшных обстоятельств.

И срок моих проклятий придёт сегодня,

На сегодняшнем пиру. Но кажется, что тот,

Кто направляет мой корабль, уже расправил парус!

Сегодня берём мы курс на похотливость! Вперёд!

Бенволио:

– Бей в барабаны!

Первый акт, пятая сцена.

Дом Капулетти. Подготовка к празднику.

Первый Слуга:

– Где Потпан, почему он не помогает нам с посудой? Он копошится с подносами, он выскабливает их своим языком!

Второй Слуга:

– Когда хорошее дело лежит в одной или даже двух руках и они обе немытые, ничего путного из этого не выйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.